

УДК 339.5(47:51)

А. Н. Лапшин

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск,
e-mail: casha_lux@mail.ru

Д. В. Мирошников

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск,
e-mail: miroshdv@yandex.ru

Д. А. Сафронов

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск,
e-mail: dmsafronov@yandex.ru

О. Е. Пушко

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», Иркутск,
e-mail: PushKo OE@bgu.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ВО ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВОСТОЧНЫМИ РЕГИОНАМИ РОССИИ И ПРОВИНЦИЯМИ КИТАЯ

Ключевые слова: санкционная политика, внешнеторговые отношения, трансграничное пространство, восточные регионы России, региональное взаимодействие.

Трансформации в современной геополитической и геоэкономической картине глобальности имеют своим следствием реформатирование межнациональных и межрегиональных отношений. Возрастающая экономическая конкуренция между США и Китаем, возрастающее санкционное давление Запада на Россию актуализируют вопрос о значении взаимодействия между странами в региональном измерении. В статье анализируется проблематика и перспективы внешнеторговых отношений восточных территорий России с акцентом на регионы Сибири, с Северо-Восточными провинциями КНР. По мнению авторов, объективно обусловленное агрессией Запада сближение России и Китая идет в рамках стратегического партнерства, но имеет ограничения внутренней экономической политики и национальных интересов. В этой ситуации Сибирь и Дальний Восток представляются регионами, которые по своим экономическим параметрам наиболее соответствуют Северо-Восточным провинциям КНР, и оптимальные внешнеторговые отношения между ними способны нивелировать имеющиеся конфликты.

A. N. Lapshin

Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: casha_lux@mail.ru

D. V. Miroshnikov

Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: miroshdv@yandex.ru

D. A. Safronov

Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: dmsafronov@yandex.ru

O. E. Pushko

Baikal State University, Irkutsk, e-mail: PushKo OE@bgu.ru

TRANSFORMATIONS IN FOREIGN TRADE RELATIONS BETWEEN THE EASTERN REGIONS OF RUSSIA AND THE PROVINCES OF CHINA

Keywords: sanctions policy, foreign trade relations, cross-border space, eastern regions of Russia, regional cooperation.

Transformations in the modern geopolitical and geo-economic picture of globality have the consequence of reformatting interethnic and interregional relations. The increasing economic competition between the United States and China, the increasing sanctions pressure of the West on Russia actualizes the question of the importance of interaction between the countries in the regional dimension. The article analyzes the

problems and prospects of foreign trade relations of the eastern territories of Russia, with an emphasis on the regions of Siberia, with the North-Eastern provinces of China. According to the authors, objectively conditioned by the aggression of the West, the rapprochement of Russia and China is within the framework of a strategic partnership, but has limitations of domestic economic policy and national interests. In this situation, Siberia and the Far East appear to be regions that, according to their economic parameters, most correspond to the Northeastern Provinces of the People's Republic of China and optimal foreign trade relations between them are able to neutralize existing conflicts.

Ведение

В настоящее время анализ торгово-экономического взаимодействия между китайскими провинциями и сибирскими регионами нельзя считать достаточным вне учета санкционных геополитических факторов влияния как на Россию, так и на Китай.

При разных масштабах и интенсивности воздействия на экономику России и экономику Китая обе страны являются объектами агрессии, поскольку выступают в качестве политических и экономических конкурентов для «коллективного Запада». Экспансия на интересы России и Китая становится имманентным фактором глобальной политики и геоэкономики. Это предполагает необходимость коллаборации национальных интересов в российско-китайском внешне-торговом сотрудничестве, неотъемлемой частью которого является межрегиональное взаимодействие между российскими регионами и провинциями КНР, которое также подвержено следствиям трансформации геополитического и геоэкономического порядка. Основной зоной регионального сотрудничества являются восточные регионы России и Северо-Восточного Китая, которые выступают в качестве индикаторов, происходящих изменений и будущего дискурса двусторонних отношений, что и является основной целью исследования.

Материалы и методы исследования.

Элиминируя из изложения общеизвестные положения санкционной политики Запада, возможно указать на некоторые уже явно выраженные тенденции китайско-российского межрегионального сотрудничества.

При всей взаиморасположенности двух стран не следует забывать, что Китай имеет свои внутренние установки, которые не всегда согласуются с трендом увеличения китайско-российского товарооборота.

Китай реализовывает модель роста внутреннего спроса, т.е. снижение внешнеэкономического роста и притормаживание темпов роста своего ВВП.

Китай также приступил к построению «экологической цивилизации» – снижению

нагрузки на окружающую среду, генерированию технологий воспроизводства энергии из возобновляемых источников (солнце, ветер, переработка биоресурсов и проч.). В перспективе это может привести к сокращению российского экспорта энергоносителей в Китай, а принимая во внимание, что основными поставщиками нефти, газа, угля являются сибирские регионы, то неблагоприятные последствия возможного развития этой тенденции отразятся на региональных показателях внешнеэкономической деятельности [1].

Компенсирующими факторами этого нежелательного для сибирских регионов тренда внешнеторговых связей следует считать огромную по площади и развивающуюся в социально-экономическом отношении территорию Китая; продолжающийся рост населения КНР; трансграничную принадлежность двух стран; надежность поставок энергоресурсов из России, укрепление политических связей стратегического характера.

В дополнение к этому следует добавить имманентно присущие Китаю устремления к воплощению «китайской национальной мечты» о великом цивилизационном возрождении китайского государства и китайской нации. В современном видении этого процесса китайское государство ставит цели достижения благосостояния китайского общества до уровня англо-саксонского мира, или в китайских формулировках – достижение состояния «средне зажиточного» общества, а впоследствии «могущественного, цивилизованного демократического государства» [2].

В качестве предварительной гипотезы можно предполагать, что переориентация с экспортной политики Китая на политику решения внутренних китайских стратегем по основаниям удовлетворения внутреннего спроса, формирования «зеленой экономики» и проч., Китай объективно будет вынужден увеличивать долю российских ресурсов в своем экономическом потреблении.

Китай, несмотря на нарастающее соперничество с Соединенными Штатами Америки в экономической сфере и обострение

экономической конкуренции между КНР и США, не заявляет о смене экономико-географических детерминант в своей внешне-торговой политике.

Но современные геополитические и геэкономические исследования уже фиксируют смену однополярного мира на биполярный. И вторым полюсом определяется Китай, что предполагает дальнейшую поляризацию стран по дихотомическому принципу «Запад – Восток». Китай как центр притяжения в этой ситуации будет вынужден проявлять больше лояльности к странам и регионам своей зоны поляризации, даже если это будет связано с конфликтами его интересов.

В долговременной перспективе Китай также будет корректировать направления своего национального развития по наличию российской компоненты. Китай, поддерживая партнерство с Россией, которое стороны уже сейчас определяют как «... больше, чем союз ...», укрепляет свой политический потенциал и экономическую безопасность.

В целом общая стратегия Китая сотрудничества с Россией соответствует как общероссийским, так и интересам сибирских регионов. Вместе с этим конкретизация этой стратегии для России и ее восточных регионов предлагает новые вызовы, которые потребуют адаптивных реакций и трансформаций в системе двусторонних отношений.

В высшем руководстве России существует трезвое представление о том, что экономическая поддержка Китая всегда будет ограничена его собственными интересами и полноценно реализуется только в случае совпадения китайских и российских интересов.

Но геополитическая ситуация и заявленное стратегическое партнерство между двумя странами подталкивают Китай и Россию к движению в одном политическом и экономическом «фарватере», что, с одной стороны, не исключает конкурентность между странами, с другой стороны, предполагает определенный уровень солидарности.

Россия и Китай в своих отношениях исходят из объективно формируемого фактора политической и экономической коллаборации. Поэтому в стандартной модели конкуренции между странами и их региональными субъектами, преобладает тенденция к отношениям кооперативным, которые позволяют извлекать обоюдную выгоду из абсолютных и сравнительных преимуществ

двусторонней торговли, взаимодополняемости экономик, географической сопредельности стран и т.п.

Распространение этих положительных кооперативных, интеграционных и прочих эффектов, равно как и негативных отнюдь не равномерно по территории России в ее региональной организации, что впрочем – и это важно – имеет место и в Китае. Основными территориями китайско-российского сотрудничества являются сибирские и дальневосточные регионы России по одну сторону границы, и Северо-Восточные провинции Китая по другую сторону.

На эти территории в силу их структурно-экономической взаимообусловленности и некой степени региональной или трансграничной автономии внешние недружественные и даже враждебные акции со стороны западного мира оказались менее восприимчивы к макроэкономическим воздействиям, чем на другие регионы России и Китая.

Результаты исследования и их обсуждение

Восточные регионы России, как и Северо-Восточные провинции Китая не являются гомогенными территориями и имеют свою социально-экономическую и внешне-торговую специфику.

Если внешнеэкономическая деятельность провинций Хэйлуцзян, Цзилинь, Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) тяготеет к российским регионам, то приморская провинция Ляонин в большей степени ориентирована на Японию, Корею, США, страны АТР.

Аналогично и на востоке России – здесь дифференцируются регионы (субъекты Федерации) Сибири и Дальнего Востока. Дальневосточные регионы, включая вошедшие в состав Дальневосточного Федерального округа (ДФО) Республику Бурятия и Забайкальский край, позиционируются как территории приграничной торговли и приграничного сотрудничества. В то время как регионы Сибирского Федерального округа (СФО) чаще всего выступают как некие ассоциированные во внешнеэкономическое сотрудничество с Китаем территории востока России. Из такого подхода возможны ложные выводы о роли и значении сибирских регионов во внешнеторговом взаимодействии двух стран, т.е. приграничные с Китаем регионы более значимы во взаимодействии двух стран, чем сибирские ре-

гионы. В действительности такие заявления некорректны.

Некорректность такого рода выводов основана на узко понимаемом содержании «трансграничное пространство», которое в большинстве случаев трактуется как пространство сопредельное, пограничное или приграничное. В последнее время утверждается расширительное содержание понятия «трансграничное пространство» как пространство взаимодействия и продвижения политических, экономических и социокультурных интересов.

Следует обратить внимание, что отечественные исследования во многом базируются на китайской методологии формирования и развития трансграничного пространства в «китайский трансграничный регион», который охватывает гораздо большие территории, чем приграничные.

Современные российские концепции трансграничного пространства, являясь в известной мере зеркальными или симметричными китайским, позволяют превентивно демпфировать опасности распространения китайского «трансграничья» на российскую территорию и одновременно выявлять и развивать позитивные явления и процессы в трансграничном пространстве для получения эффектов коллаборации в двустороннем сотрудничестве [3].

Сибирские регионы в таком нарративе выступают в качестве трансграничных с Китаем, с высоким потенциалом развития российско-китайских отношений как на макро, так и особенно на региональном уровнях.

Мозаичность картины российско-китайских отношений складывается из западного санкционного давления на Россию и американского давления на Китай (права человека, проблема Тайваня и др.). Стратегическое двустороннее партнерство и национальные стратегические интересы двух стран проецируется на внешнеторговые отношения между китайскими провинциями и сибирскими регионами в конкретной динамике показателей внешнеторговых отношений между восточными регионами России и Северо-Восточными провинциями КНР.

Как тенденция – к восточным регионам России устремились субъекты внешнеэкономической деятельности из других регионов. По статистике таможенных органов Сибирского федерального округа (СФО), количество «нерезидентов», которые осуществляли внешнеторговую деятельность через

зону ответственности таможенных органов субъектов СФО за последние 5 лет увеличилось с 4 452 участников до 5 596 участников или на 5,4 процента [4].

С 2014 года, когда на федеральном уровне был заявлен тезис разворота внешней экономики России «на Восток», сибирские регионы начали выступать как основные проводники нового экономико-политического тренда, поскольку исторически и географически внешняя торговля сибирских регионов была сориентирована на Монголию, Китай, Японию, страны Корейского полуострова и далее – на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, на Центральную и Южную Азию.

Экономические санкции привнесли изменения в структуру и показатели внешнеторгового оборота сибирских регионов:

- Сократился внешнеторговый оборот со странами АТР в составе АТЭС на 4,3%, что в абсолютных показателях составило 43 904, 2 млн долл. США.

- Параллельно с этим снизились показатели товарооборота со странами на западном направлении: со странами группы ОЭСР на 2,6%, а со странами Европейского союза на 4,1 процента [4].

- Глубина падения товарооборота напрямую зависела, и, по-видимому, будет зависеть от степени следования стран санкционной политике ее инициатора – США.

- Сокращение товарооборота с Японией, которая последовательно шла в траверсе санкционной политики США составило 6,8 процентов, а с Республикой Корея, которая значительное время «держала паузу», товарооборот в стоимостном выражении, напротив, увеличился на 227,4 млн долл. США, или на 3,4%.

Причем следует отметить, что сокращение товарооборота с США не имело значительных величин. В силу незначительности товарооборота сибирских регионов с этой страной товарооборот сократился менее, чем на 1% или на 9,3 млн долл.

По данным ФТС РФ, сокращение импорта наблюдалось в товарообороте с Германией – 24%, но наряду с этим скандинавские страны и Великобритания увеличили экспорт в Россию, хотя и на незначительные величины в абсолютном выражении [5].

По данным статистики СФО, можно сделать вывод, что страны, которые первоначально воздерживались от экономических санкций в отношении России, имели

возможность сохранить положительные для них показатели товарооборота.

Сокращение товарооборота СФО с Китаем наблюдалось в 2014 г., когда он сократился, примерно, на 1 млрд долл. или около 7 процентов. Оно не было связано с санкционной политикой Запада, но было весьма существенно. Товарооборот сократился до 9 053,7 млн долл. США, что составило 14,2% общей стоимости товарооборота по СФО.

Если эту динамику товарооборота рассматривать по ее составляющим экспорт-импорт, то следует отметить рост объемов экспортных операций, который достиг 29615,7 млн долл., увеличившись на 393,5 млн долл. США [4].

Относительно благополучный экспорт зеркально отразился в показателях импорта. Импорт из Китая в регион сократился на 16 процентов (около 700 млн долл. США). Опять же основной причиной явилась не политическая конъюнктура, а ограничения по Covid-19.

При периодической изменчивости объемов и стоимости экспорта/импорта материально-вещественная структура поставок как с китайской, так и с российской стороны практически не изменилась.

Временное снижение показателей внешнеторгового оборота 2014 г. было полностью компенсировано в дальнейший период и до настоящего времени демонстрирует стабильный рост, несмотря на продолжающиеся санкции.

Но темпы роста товарооборота существенно ниже, чем это декларировалось в совместных заявлениях В. В. Путина и Си Цзиньпина, и доля России во внешнеторговом и в платежном балансе остается в пределах двух процентов от общего товарооборота Китая.

Стороны продолжают сохранять оптимизм предположения, что интенсификация всестороннего торгово-экономического сотрудничества позволит довести общий объем товарооборота к 2025 году до 200 млрд долл. [6]. Это подтверждается и прогнозами со стороны Министерства экономического развития Китая. При этом указывается, что рост товарооборота будет происходить за счет роста импорта, и в первую очередь за счет импорта углеводородов, получаемых Китаем из России по Восточным маршрутам.

Китайский экспорт растет более высокими темпами (около 10%) по сравнению с импортом из России (около 4%), хотя потребности Китая в импорте на текущее пятилетие оцениваются в 10 трлн. долл.

Принимая во внимание современные политические и экономические реалии двусторонних отношений и их перспективы логичен вопрос о роли и положении сибирских регионов РФ во внешнеторговых отношениях с КНР в региональном измерении.

Ни коим образом не умаляя роль и значение субъектов ДФО, особенно приграничных регионов, необходимо указать, что масштабы, направления, средства сотрудничества регионов СФО и Китая имеют свои параметры и особенности, отличные от приграничных субъектов.

Основным и объективным преимуществом регионов Дальнего Востока считается их географическая близость. Но если обратиться к относительно недавней истории взаимодействия сибирских и дальневосточных регионов с Китаем, например, в период 2012-2016 гг., то доля СФО во внешнеторговом обороте России (около 10%) превышала, хотя и незначительно, долю ДФО (около 8%). Таким образом, соотношение показателей складывалось не в пользу приграничных регионов, а в пользу трансграничных (сибирских) регионов [7].

По истечении последующих пяти лет имели место изменения количественных показателей во внешней торговле СФО и ДФО с КНР. Но даже по формальным признакам – включение Республики Бурятия и Забайкальского края в состав ДФО, что увеличило его внешнеторговый оборот, в том числе и с Китаем, и соответственно снизило аналогичные показатели Сибирского федерального округа, не изменило значительно соотношение внешнеэкономических потенциалов этих восточных мезорегионов.

Внешнеторговый оборот СФО в 2021 году составил 51,6 млрд долл., что означает более, чем 30 процентный (30,2%) рост в сравнении с 2020 годом, который сопровождался ростом положительного сальдо в 29,4 млрд долл. или в 36,6 процента.

Доля Китая во внешнеторговом обороте Сибирского округа сохранила свои медианные величины в пределах четверти от общего внешнеторгового оборота 23,5% от общей стоимости внешнеторгового оборота СФО.

В 2021 году товарооборот ДФО с Китаем составил 12,6 млрд долл. или вырос на 21,8 процентов [8].

Даже умозрительное сравнение этих данных по СФО и ДФО однозначно свидетельствуют о сохранении лидерства сибирских регионов во внешнеторговых отношениях с Китаем, деноминируя территориальную близость дальневосточных регионов как определяющий фактор развития сотрудничества.

Обоснованно возникают вопросы: что является основным аттрактором развития и специфики взаимоотношений регионов Сибири и провинций Китая и каковы методологические и практические последствия специфики этих отношений?

Регионы СФО имеют объективные факторы для развития отношений с Северо-Восточными провинциями Китая производственно-экономического характера, основными из которых следует считать более высокий производственно-экономический потенциал, интенсивность хозяйственной деятельности, трансформацию воспроизводственной структуры и экономической системы региона и, как следствие, более успешное развитие внешнеторговой деятельности с провинциями КНР.

Этот фактор определяет и дифференциацию сотрудничества сибирских регионов с северо-восточными регионами Китая. Значительный объем товарооборота с КНР приходится на провинцию Хэйлунцзян, поскольку структурные преобразования в этом регионе наиболее соответствуют структурным преобразованиям экономики регионов Восточной Сибири.

В известной степени в отношении двусторонней торговли эта провинция функционально равнозначна, например, Иркутской области (удельный вес в СФО в торговле с КНР – 23,4%). На долю провинции Хэйлунцзян приходится около 25% внешнеторгового оборота с Россией и более половины внешнеторгового оборота провинции.

Провинция Ляонин – самая торгующая территория китайского Северо-Востока, объем внешней торговли которой превышает объем внутренней. Основной функцией является формирование и распределение экспортно-импортных потоков с Россией и другими странами. При стандартном наборе характеристик Ляонин имеет дополнительный ресурс – приморские территории,

и поэтому география ее внешней торговли более диверсифицирована, тем не менее она сохраняет традиционный профиль экономики и по этому основанию является важным партнером для сибирских регионов.

Дополнительным аргументом в пользу тезиса о структурном соответствии экономики как фактора современного состояния внешней торговли между регионами Сибири и китайскими регионами является уровень торговых отношений с АРВМ. Несмотря на территориальную сопредельность – ближайший к СФО погранпереход Забайкальск–Маньчжурия находится на территории этого региона – внешнеторговый оборот АРВМ с Россией и субъектами СФО значительно уступает другим Северо-Восточным провинциям.

Заключение

Лидирующее положение регионов СФО во внешнеторговых отношениях с провинциями КНР определяется показателями структурного развития экономики региона, которые в наибольшей степени соответствуют экономическому развитию провинций Хэйлунцзян и Ляонин. Поэтому, несмотря на разнонаправленную динамику внешнеторгового оборота с КНР по России и в ее восточных регионах последние пять лет, регионы Сибири сохранили относительную стабильность показателей. На ближайшую перспективу фактор синхронизации и гармонизации экономического развития сибирских регионов и китайских провинций будет определять положительную динамику внешнеторговых отношений при сохранении уже сложившейся структуры товарооборота: ресурсный экспорт с увеличением доли переработанных материалов и традиционные позиции китайского импорта, объемы которого будут определяться курсом валют.

Качественная трансформация внешнеторговых отношений сибирских и китайских регионов возможна при наличии значимых федеральных и региональных программ и проектов, ориентированных на развитие институциональной среды для российско-китайского бизнеса, поскольку инвестиционные вливания, как показал опыт Дальнего Востока, хотя и являются катализатором экономического развития, но не решают проблему генерации экономической выгоды для регионального и международного бизнеса.

Библиографический список

1. Си Цзиньпин. О государственном управлении. 2-е изд. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2017. 648 с.
2. Си Цзиньпин о будущем развитии экономики Китая. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1219/c31521-9306135.html> (дата обращения: 15.05.2022).
3. Arhipkin O., Lapshin A., Golik S. Institutionalization of cross-border space as a frontier movement. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019) / Paris: Atlantis Press, 2019. Vol. 364. P. 135-139.
4. Официальный сайт Сибирского таможенного управления Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://stu.customs.ru/> (дата обращения: 10.05.2022).
5. Официальный сайт ФТС РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-customs.online/> (дата обращения: 12.06.2022).
6. М. Орешкин: товарооборот России и Китая может увеличиться до 200 млрд долл. США. [Электронный ресурс]. URL: <https://neftegaz.ru/news/Trading/453600-m-oreshkin-tovarooborot-rossii-i-kitaya-mozhet-velichitsya-do-200-mlrd-doll-ssha/> (дата обращения: 15.05.2022).
7. Лапшин А.Н. Внешнеэкономическая деятельность Иркутской области и провинций КНР в проекции стратегического партнерства: Интернационализация – главный вектор современного мирового развития: сб. науч. тр. Междунар. форума. Иркутск, 9-12 окт. 2017 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 197 с.
8. Официальный сайт Дальневосточного таможенного управления Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (дата обращения: 12.06.2022).